

© 2019 г.

А.А. БИРЮКОВ

ГОРОД ИЗ КВАРЦА НА ПЛАНЕТЕ ТРУЩОБ: О РАДИКАЛЬНОЙ УРБАНИСТИКЕ МАЙКА ДЭВИСА

БИРЮКОВ Александр Александрович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия (abir-nabir08@yandex.ru).

Аннотация. В центре внимания работ американского урбаниста Майка Дэвиса (род. 1946) лежит проблема влияния неолиберальной глобализации на развитие современного города, и прежде всего – на разрастание городских трущоб. Дэвис прослеживает взаимосвязь между историческими трансформациями капитализма и изменениями в организации пространства городов, выделяя ряд закономерностей в центре и на периферии капиталистической системы. Современные исследования по проблемам города нуждаются в привлечении новых понятий и концепций для более адекватного понимания процессов, протекающих в городах XXI столетия. Работы Майка Дэвиса могут послужить одним из источников теоретического обновления.

Ключевые слова: М. Дэвис • урбанистика • город • глобализация • неолиберализм • трущобы • социальное неравенство • экология

DOI: 10.31857/S013216250006177-7

Профессор истории Калифорнийского университета в Риверсайде М. Дэвис – автор трудов по урбанистике, истории капитализма, трансформации городского пространства, взаимному влиянию природной и социальной среды. К сожалению, единственной его монографией, полностью переведенной на русский, остается «Монстр у ворот» [Davis, 2005]; ее русский перевод вышел под измененным названием – «Птичий грипп...» [Дэвис, 2016], поскольку в ней рассматриваются причины и последствия глобальной пандемии птичьего гриппа. В начале 2017 г. в «Свободном марксистском издательстве» увидел свет сборник работ М. Дэвиса, включающий несколько статей, обзор его монографий и концепций, а также программное интервью [Дэвис, 2017].

Исследовательская оптика Дэвиса сфокусирована на последствиях начавшейся в 1970–1980-е гг. неолиберальной трансформации современного капитализма. В это время в развитых центрах капиталистической системы началось сворачивание проектов строительства государства всеобщего благосостояния. В свою очередь, в периферийных странах, находившихся на тот момент в условиях долгового кризиса, полным ходом шло внедрение программ структурных преобразований. Данные события послужили толчком для глобального «тектонического сдвига» в фундаменте современного мироустройства, задав долгосрочные параметры функционирования капитализма на десятилетия.

Дэвис пытается выявить и теоретически осмыслить изменения в организации социального пространства современных городов, испытавших на себе воздействие этого сдвига. Он сумел рассмотреть единую логику в различающихся по форме процессах городских преобразований в центре и на периферии капиталистического мира. Размывание среднего

класса, иерархизация территорий современных городов, сокращение формальной занятости, приватизация публичного пространства – вот главные социальные последствия волны неолиберальной урбанизации, прокатившейся по всему миру [Дэвис, 2017: 114, 119, 126]. Она накрыла и старые деиндустриализированные центры богатого Севера, и гигантские мегаполисы глобального Юга, разрушая последние преграды на пути глобального капитала.

С изучения меняющейся социальной среды Лос-Анджелеса выросли, по словам Дэвиса, все его последующие работы по урбанизму [Дэвис, 2017: 114]. В «Городе из кварца» – первой работе, принесшей ему известность не только в академической среде, Дэвис акцентирует внимание на процессах приватизации публичного пространства в Лос-Анджелесе, рассматривая их среди прочих социальных последствий начинавшейся глобализации. В Городе Ангелов он увидел то, как масштабные инвестиции, экономический рост и глобализация отдельных сторон жизни города могут никак не отражаться на удовлетворении потребностей и уровне благосостояния огромного количества его жителей, оказывающихся еще в большей изоляции из-за этих процессов. Финансовые потоки и государственные инвестиции на строительство небоскребов, гостиниц, развитие транспортной инфраструктуры приносили прибыль застройщикам, банкирам, землевладельцам, многочисленным юристам и политикам-лоббистам, вращающимся в этих сферах. Город субсидировал в глобализации без оглядки на запросы групп, не получающих прямых выгод от международной торговли. Как отмечает автор: «Не существовало механизма перераспределения какой-либо доли дополнительных доходов города на цели, отличные от строительства инфраструктуры или обновления центра города. Другими словами, не было никакой связи между корпоративными государственными инвестициями и социальными потребностями» [Davis, 2006: VII]. Напряженная социальная обстановка в Лос-Анджелесе обострилась на фоне начавшейся рецессии, упадка производства и геттоизации бедных кварталов, к жителям которых глобализация пришла лишь в виде транснациональной наркоиндустрии и торговли оружием [Davis, 2006a: VIII]. Острота проблем, затронутых в «Городе из кварца», яркий критический стиль изложения и тот факт, что многие из описанных тенденций проявились уже через два года после выхода книги – во время лос-анджелесских бунтов 1992 года, – сделали Дэвиса известным и в научных кругах, и среди социальных активистов.

Позже Дэвис обратился к проблематике исторического разрыва между «развитыми» странами и так называемыми «странами третьего мира». В данном вопросе он выступал продолжателем интеллектуальной традиции, намеченной в свое время еще в марксистских теориях империализма и продолженной такими исследователями, как Андре Гундер Франк в концепции «развития неразвитости». В главной работе на эту тему «Поздневикторианские холокосты» Дэвис рассматривает проблемы, связанные с причинами этого «великого расхождения». Главным объектом критики становится либеральный миф о победе ныне развитых стран в этой гонке в результате действия механизмов «свободного рынка» и «честной конкуренции». На большом массиве данных Дэвис демонстрирует, что в действительности имела место обратная ситуация, когда «конкурентные» преимущества достигались методами прямого насилия, а «свободным» рынок был только для диктовавших на нем свою волю представителей метрополий, например, когда, несмотря на миллионы жертв голода, англичане продолжали массово экспортировать из Индии зерно [Davis, 2001: 111]. О доктринах свободного рынка и невмешательства государства в экономические дела колониальные власти вспоминали лишь во время неурожая, засухи и голода, снимая с себя ответственность за смерть миллионов «неконкурентоспособных» людей. В духе мальтузианства и расизма голодающих обвиняли в «лени» и «праздности», выставляя их виновниками своих бед [Davis, 2001: 31, 37, 41].

Рассмотрев первоначальные условия, вызвавшие расхождение в траекториях развития стран, входящих в мировую капиталистическую систему, Дэвис берется за анализ процессов урбанизации в ее периферийном сегменте. Результатом этих исследований явилась серия

статей и, возможно, главная работа Майка Дэвиса – «Планета трущоб»¹. Неолиберальная урбанизация, проводившаяся в бедных странах посредством внедрения так называемых программ структурных преобразований, имела катастрофические последствия для городов третьего мира. Используя долговые рычаги, МВФ и Всемирный банк навязали эти программы многим странам Азии, Африки и Латинской Америки в качестве средства «оздоровления экономики». На деле реструктуризация нанесла серьезный удар по системе общественного воспроизводства этих стран, ключевую роль в которой играло государственное управление. «Ядовитое зелье» структурных преобразований, предлагаемое для употребления бедным странам, всегда состояло из «девальвации, приватизации, устранения контроля над импортом и субсидий на производство продуктов питания, возвращения к платному образованию и медицине и безжалостного сокращения государственного сектора» [Дэвис, 2017: 89].

Последствия внедрения этих программ были самыми тяжелыми: «отток капитала, крах производства, незначительный или отрицательный рост дохода от экспорта, резкое сокращение городских коммунальных услуг, взлет цен и сокращение реальной заработной платы» [там же: 90]. В подобных условиях классическая модель урбанизации, завязанная на индустриализацию и экономический рост, по которой развивались поначалу Манчестер, Глазго, Ливерпуль, затем Чикаго, Питтсбург, Детройт, промышленные немецкие города Рурского региона и иные центры капиталистического развития, неприменима к городам стран третьего мира, где «урбанизация оказалась радикальным образом отделена от индустриализации, даже от развития как такового» [там же: 79].

Парадоксальность урбанистического бума в бедных странах заключалась в том, что, несмотря на отсутствие «притяжения» со стороны городов, находившихся в тяжелой экономической ситуации, миграция из сельской местности не только не прекратилась, но и возросла. Виною тому стала политика дерегуляции в сельском хозяйстве, включавшая меры по приостановке государственного субсидирования, открытию рынков и механизации аграрного сектора [там же: 79–80]. Кроме того, не стоит забывать и о таких фоновых факторах, как войны (в том числе гражданские) и экологические бедствия.

В условиях роста неравенства и разрушения социальной инфраструктуры городское «развитие» в странах третьего мира приняло форму неконтролируемого горизонтального расширения, привело к массовому распространению трущоб, некоторые из которых превратились в копии кварталов нищеты викторианской эпохи, описанных Ф. Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии». Их обитателями стали «новые бедные» – выходцы из едва родившегося и тут же уничтоженного среднего класса, и мигранты из сельской местности, беженцы и деклассированные элементы. Этот процесс «урбанизации бедности» не был «линейным историческим процессом», а оказался своего рода «большим взрывом», разорвавшим траекторию поступательного исторического развития [там же: 88].

В «Планете трущоб» Дэвис приводит цифры и факты, иллюстрирующие распространенность этого явления. Жители трущоб составляют примерно 80% городского населения наименее развитых стран мира и треть всего городского населения в мире [там же: 83]. На планете есть страны, где подавляющее большинство городского населения составляют жители трущоб. Превратившись в «свалку избыточного населения», трущобы продолжали расширение, быстро натолкнувшись на естественные ограничения, что привело к тому, что городские бедняки начали заселять опасные и не подлежащие застройке места: крутые склоны, берега, поймы рек, селиться вблизи очистных сооружений, промзон и свалок [там же: 87]. Из-за крайне высоких темпов урбанизации жизненно важная городская инфраструктура в бедных кварталах городов глобального Юга практически отсутствует: заваленные мусором улицы, забитые сточные канавы, отсутствие водопровода и канализации и, как следствие, тяжелая эпидемиологическая обстановка [там же: 86–87] – реалии жизни обитателей этих гетто.

¹ См.: [Davis, 2006b]. Известна более ранняя одноименная статья Дэвиса: [Davis, 2004]. Ее сокращенный перевод опубликован на русском языке в журнале «Логос»: [Дэвис, 2008: 108–129]. Полный вариант – в упомянутом выше сборнике работ Дэвиса: [Дэвис, 2017: 75–111].

В новых трущобах ужасающая бедность становится фактором, представляющим угрозу для жизни. Здесь расцвели и другие, смежные с бедностью, социальные проблемы – проституция, наркомания, организованная преступность. Действительность, как это часто бывает, оказалась страшнее голливудских антиутопий.

Условия, которые в одном случае приводят к экономическим кризисам и обнищанию населения, в другом способствуют концентрации власти и богатства. В пространственном выражении это противоречие закрепилось в повсеместно усилившейся тенденции к разделению богатых и бедных районов городов, вплоть до отсутствия между ними каких-либо контактов. Повсеместно города превращаются в жестко структурированное пространство, рассеченное оградками, заборами, решетками, контрольно-пропускными пунктами и другими атрибутами «архитектуры страха». Данная проблема освещается Дэвисом в работе «Барон Осман в тропиках» [Дэвис, 2017: 68–74]. Здесь автор проводит параллели между деятельностью Жоржа Эжена Османа, под чьим руководством в 1950–1960-е гг. была перестроена значительная часть Парижа, и современной практикой реорганизации пространства в мегаполисах. Как и во времена «османизации» французской столицы, в ходе которой были фактически уничтожены средневековые кварталы Парижа, в которых в основном проживала городская беднота, нынешняя «городская перепланировка по-прежнему направлена на максимизацию и частной прибыли, и социального контроля» [там же: 69]. В ход идут все средства: массовые переселения людей, снос кварталов трущоб, выдавливание бедняков из обжитых мест. В результате происходит жесткая сегрегация социального пространства. «Городская сегрегация – это не замороженный статус-кво, но непрерывная социальная война, в которую регулярно вмешивается государство во имя “прогресса”, “благоустройства” и даже “социальной справедливости для бедных”, перекраивая границы в пользу землевладельцев, иностранных инвесторов, элитных домовладельцев, а также принадлежащих к среднему классу жителей пригородов» [там же: 69].

Параллельно с геттоизацией в крупных городах происходят противоположные процессы образования самодостаточных «внешних миров», жители которых предпочитают оградиться от окружающего их моря насилия и бедности высокими стенами и колючей проволокой. Эти замкнутые кварталы, во многом пытающиеся копировать стиль жизни Южной Калифорнии, являются полностью автономными комплексами с элитными жилыми районами, собственными торговыми центрами, школами, больницами и прочей инфраструктурой [там же: 71–72]. Отсутствие необходимости во взаимодействии этих миров грозит вернуть модель развития современного города назад к средневековой: «Важно осознавать, что мы имеем дело с реорганизацией пространства крупных городов, приводящей к резкому уменьшению возможности пересечения между жизнью богатых и бедных, что выходит за рамки традиционной социальной сегрегации и фрагментации городской среды» [там же: 73].

Возможно, худший образец воплощения данной модели в жизнь является собой пример Дубая – города-государства в Персидском заливе в составе Объединенных Арабских Эмиратов. В статье «Страх и деньги в Дубае» Майк Дэвис подробно рассматривает историю этого растущего «мира грёз», рассказывая читателю иную, отличную от восторженно-либеральной, версию событий [там же: 17–42]. Дубай рассматривается как своего рода прототип нового города неолиберальной эпохи, ушедшего в гиперреальность демонстративного потребления и финансовых спекуляций. Видимая часть этого «рая среди песков» представляет собой сочетание высоких технологий, кричащей роскоши и гламура. Однако это лишь часть общей картины, которая ответственна за создание бренда «Дубай» и поддержание безупречного туристического имиджа. Другая ее часть скрыта от посторонних глаз, спрятана в кварталах на окраине города. Функционирование оазиса роскоши и глянца со всеми его шопинг-молами, искусственными островами, парками аттракционов и пятизвездочными отелями, выросшими посреди пустыни, обеспечивается дешевой рабочей силой тысяч «невидимых» рабочих-мигрантов: «Стиль жизни Дубая поддерживается огромным количеством филиппинских, шриланкийских и индийских служанок, а строительный бум обеспечивают армии низкооплачиваемых пакистанцев и

индийцев, работающих по двенадцать часов в сутки шесть с половиной дней в неделю – в пустыне, похожей на доменную печь» [там же: 35–36].

Дубайское «экономическое чудо» разом воплотило в себе мечты адептов неolibеральной школы: беспрепятственное движение капиталов, свободное предпринимательство, безналоговые зоны. Но жизнеспособность подобной модели была бы невозможна без запрета профсоюзов и политической оппозиции, тотального политического контроля и существования жесткой социальной иерархии. Превращение Дубая в открытую для капиталов, товаров и туристов «зеленую зону» не могло произойти иначе как через его закрытие для трудящихся-мигрантов, которым здесь запрещено не только бастовать и создавать профсоюзы, но и появляться в центральных кварталах этого рая для избранных [там же: 36–37]. Пространственное закрепление социального неравенства в Дубае оказалось близким к южноафриканскому апартеиду, и если Дубай – в каком-то отношении прототип города XXI столетия, то большинству городского населения эта модель ничего хорошего не предвещает.

Исследования Дэвиса особенно важны сегодня, когда концептуальный аппарат классических социальных теорий не всегда подходит для осмысления современных общественных трансформаций. Попытки втиснуть новые реалии в прокрустово ложе старых понятий и теорий зачастую лишь отдаляют исследователей от реальности, загоняя их в лабиринт псевдопроблем и антиисторической схоластики. Ситуация в исследованиях современного города и городской среды тому наглядное подтверждение. В самом деле, к какой категории веберовской типологии города отнести современные трущобы? Как вписать «большой взрыв» городской бедности в логику модернизационных теорий? Можно ли говорить о миллионах работников неформального сектора по всему миру в терминах марксистского классового анализа? Эти и другие вопросы, рассматриваемые М. Дэвисом, делают их сегодня особенно актуальными.

Кроме того, Дэвис уделяет пристальное внимание проблемам, казалось бы, напрямую к урбанистике не относящимся, но влияющим на жизнь современного города драматичным образом. Одной из них является проблема, называемая Дэвисом «экологическим неравенством» [там же: 53]. При этом автор трактует «экологию» максимально широко, не сводя данное понятие к кризису природопользования или к пресловутым «глобальным проблемам». В его интерпретации экология – одно из важнейших условий воспроизводства социальной среды, а не «фоновый» фактор развития цивилизации. Тот факт, что в конце XX – начале XXI в. деятельность человечества стала определяющим фактором изменения природной среды, ничего не меняет в плане значимости этой среды в процессах социального метаболизма. Напротив, эта бурная деятельность зачастую носит стихийный и необдуманный характер, высвобождаемые ею силы выходят из-под контроля, что приводит к глобальному потеплению, уничтожению биоразнообразия, распространению новых вирусов и т.д.

В исследованиях на эту тему Дэвис делает акцент на неравномерности распределения экологических издержек функционирования глобального капитализма между континентами, странами и социальными классами, а также на сочетании взаимодействия социальных и природных факторов развития общества. Так, рассматривая политику колонизаторов в качестве главной причины массового голода в Индии, Китае и других странах капиталистической периферии в конце XIX в. Дэвис отмечал, что огромное число жертв этого голода было обусловлено еще и засухой, вызванной наступлением Эль-Ниньо [Davis, 2001: 211–276]. В другой работе – «Экология страха» – Дэвис на примере Лос-Анджелеса показывает взаимосвязь экологических факторов и социальных проблем. Нацеленность на тотальную коммерциализацию привела здесь к тому, что стремления городских проектировщиков сохранить масштабные зеленые насаждения Лос-Анджелеса и его пригородов были проигнорированы к выгоде застройщиков, железнодорожников и строителей автострад [Davis, 1998: 68–69]. Тем самым город остался без естественной защиты от сильных ветров, наводнений и опустынивания. Разбирая историю происходивших в этом городе наводнений, землетрясений, засух, пожаров и торнадо, Дэвис показывает, что распределение последствий от стихийных бедствий среди групп населения Лос-Анджелеса оказывается крайне неравномерным и непропорциональным: основной удар принимают на

себя бедные кварталы, где проживает в основном темнокожее население. Экологическое неравенство отражает социальную и расовую иерархию Лос-Анджелеса: во время стихийных бедствий жителей геттоизированных бедных кварталов (подавляющее большинство которых составляют афроамериканцы) зачастую бросают на произвол судьбы, тогда как помощь жителям престижных кварталов оказывается в первую очередь. Так было и во время землетрясения в Нортридже в 1994 г., и во время пожаров в Малибу [Davis, 1998: 101]. Та же стратегия применялась и в Новом Орлеане во время ликвидации последствий урагана «Катрина» в 2005 г., о чем также писал Дэвис [Дэвис, Фотено].

В образцовом междисциплинарном исследовании «Монстр у ворот» Майк Дэвис исследует разразившуюся в начале 2000-х гг. эпидемию птичьего гриппа. Он начинает с ознакомления с биологической составляющей проблемы, с вопросов вирусологии, с подтипов вируса гриппа и степени их опасности для человека. Далее Дэвис совершает экскурс в историю, проводя параллели между эпидемией «гриппа-испанки» в начале XX в. и распространением вируса H5N1 сто лет спустя. Автор показывает, что чудовищные последствия пандемии гриппа в 1918–1919 гг., обоснованно названной Дэвисом «трагедией бедных», были во многом обусловлены социальными факторами: нищетой, голодом, хроническими болезнями и сопутствующими инфекциями, кроме того, большинство погибших от вируса были жителями бедных азиатских стран (Индии, Китая, Ирана), сельское хозяйство которых было подорвано политической колонизаторов [Дэвис, 2016: 38–45].

По прошествии ста лет, человечество, не сделав работы над ошибками, вновь стоит на пороге глобальной пандемии, и вспышки гриппа новых штаммов тому подтверждение: те факторы, которые способствовали распространению гриппа-испанки в начале XX в., сегодня во многом обострились, сделав потенциальную угрозу новой пандемии еще более реальной. К ним добавились и новые: масштабные изменения природных ландшафтов, вызванные хозяйственной деятельностью человека, приведшие к интенсификации взаимодействия людей с «ранее изолированными микробиологическими резервуарами» [там же: 82], глобализация производства, торговли и транспорта, развитие международного туризма, отсутствие развитой международной системы здравоохранения, которая отвечала бы масштабам этих изменений, монополизация рынка лекарственных средств крупными фармакологическими корпорациями [там же: 202, 214–223], разрушение национальных систем здравоохранения в бедных странах [там же: 204], превращение современных трущоб с их гигантской плотностью населения и жуткой антисанитарией в потенциальные «фабрики болезни», готовые вспыхнуть от одной единственной искры: «С уровнем плотности населения в 200 000 человек на квадратный километр они представляют собой идеальную среду для мутации вируса гриппа и повышения степени его вирулентности» [там же: 199].

Майк Дэвис прав, называя вспышку эпидемии птичьего гриппа «глобальной проверкой сплоченности человечества», как и прав он в том, что человечество эту проверку не прошло. Угроза глобальной эпидемии, способной унести десятки миллионов человеческих жизней, и в XXI в. остается реальной. Подводя итоги исследования, Дэвис обращается к примеру «Титаника»: «Богатые пассажиры корабля погибли из-за банальной неальновидности компании; а бедные, располагающиеся на самых неудобных местах третьего класса, не имели вообще ни единой спасательной шлюпки и в случае катастрофы были заранее обречены» [там же: 204].

Политика неолиберализма превращает современные города в места, слабо пригодные для нормального протекания жизни большинства его жителей, где вряд ли воплотятся в жизнь надежды миллионов их обитателей. Логика «свободного» рынка оставляет за бортом «аутсайдеров», оказавшихся просто ненужными для функционирования этой системы. «Миллиард людей исключен из мировой системы, и может ли кто-то представить правдоподобный неолиберальный сценарий, позволяющий вернуть их в эту мировую систему в качестве производственных рабочих или массовых потребителей?» [Дэвис, 2017: 98].

Развитие города в сторону использования его эгалитарного потенциала на сегодняшний день остается единственным путем выхода человечества из тупика экологического и социального кризиса. Человечество должно вернуть себе то, что другой видный

современный урбанист Дэвид Харви называет «правом на город». Сделать это без внедрения механизмов общественного контроля и демократизации принятия решений будет невозможно. Вернуть право на город – значит провести тотальную десеграцию городской среды и перекроить карты города в пользу публичных пространств, где открываются возможности для взаимодействия людей в противовес строительству «элитных» кварталов с их бесконечным поиском частных выгод и приватизированным потреблением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Дэвис М. Кто построит ковчег? М.: Свободное марксистское издательство, 2017. [Davis M. (2017) *Who Will Build the Ark*. Moscow: Svobodnoe marxistskoe izdatelstvo. (In Russ.)]
- Дэвис М. Планета трущоб / Сокр. пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2008. № 3. С. 108–129. [Davis M. (2008) *Planet of Slums*. Logos. No. 3: 108–129. (In Russ.)]
- Дэвис М. Птичий грипп. Глобальная угроза новой пандемии. М.: Добрая книга, 2016. [Davis M. (2016) *Avian Flu. The Global Threat of New Pandemic*. Moscow: Dobraya kniga. (In Russ.)]
- Дэвис М, Фотено Э. Новорлеанские тайны. 25 вопросов об убийстве города. URL: <http://left.ru/2005/14/davis131.phtml> (дата обращения: 3.01.2019). [Davis M., Fontenot A. *The Mysteries of New Orleans. Twenty-five Questions about the Murder of the Big Easy*. URL: <http://left.ru/2005/14/davis131.phtml> (accessed 3.01.2019) (In Russ.)]
- Davis M. (2006a) *City of Quartz: Excavating the Future in Los-Angeles*. New York: Verso.
- Davis M. (1998) *Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster*. New York: Metropolitan Books.
- Davis M. (2001) *Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World*. London: Verso.
- Davis M. (2004) *Planet of Slums*. New Left Review. No. 26: 5–34.
- Davis M. (2006b) *Planet of Slums*. London: Verso.
- Davis M. (2005) *The Monster at Our Door: The Global Threat of Avian Flu*. New York: New Press.

Статья поступила: 09.04.19. Принята к публикации: 10.06.19.

THE CITY OF QUARTZ ON THE PLANET OF SLUMS: MIKE DAVIS'S RADICAL URBAN STUDIES

BIRIUKOV A.A.

Amur State University of Humanities and Pedagogy, Russia

Aleksandr A. BIRIUKOV, Cand. Sci. (Philos.), Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia (abir-nabir08@yandex.ru).

Abstract. The article reviews main works of Mike Davis, an outstanding urban theorist of nowadays. Davis' interest is focused on the issue of neoliberal globalization influence on the development of modern city. He started an the analysis of rapidly changing social space of Los Angeles and then turned to research into capitalism history, interaction between natural and social environments and urbanization processes in the Third World. In his main works, Davis connects historical capitalism transformations and changings in organization of city spaces by distinguishing a range of regularities that affect both the century and the periphery of the capitalistic system. The author of the article shows that modern research into city issues needs new terms and concepts for more adequate description and comprehension of processes in the 21st century cities. It is concluded that main works of Mike Davis can be a source for such theorizing.

Keywords: Mike Davis, urban studies, city, capitalism, globalization, neoliberalism, slums, social inequality, ecology.

Received: 09.04.19. Accepted: 10.06.19.